

Л. В. Енина, О. В. Ильина, Е. В. Каблуков, Э. В. Чепкина
Екатеринбург, Россия

ПРАКТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ РОССИЯН ПОД ВЛИЯНИЕМ МЕДИАКОНЦЕПТА «ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лингвистическому исследованию национально-гражданской идентификации россиян. Теоретической базой исследования выступает мягкая концепция идентичности, которая делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности и имеет исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Предлагается рассматривать национально-гражданскую идентичность россиян как самостоятельный дискурсивный концепт, аналитически отличный от сходных, но не совпадающих с ним понятий «этнос», «нация». На материале наиболее цитируемых, по данным «Медиалогии», российских СМИ анализируются практики национально-гражданской идентификации и их взаимосвязь с концептом «информационная война». Его наличие обуславливает систематическое конструирование в медиадискурсе реальности, в которой создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий. Выявлено широкое распространение смысла «Россия, россияне — сплоченное единство» на всю политическую тематику дискурса российских СМИ. Хотя упоминаются политические течения, отмеченные как актуальные для современной России (либерализм, фашизм), однако их политическое содержание размывается до неразличения, они просто маркируются как неприемлемые. Политическая однородность большинства россиян увязывается с фигурой Президента РФ и характеризуется сплоченным единством перед враждебными силами (Запад, либеральные оппозиционеры). Внешнеполитическая идентификация представляет Россию прежде всего как государство и поддерживается устойчивой оппозицией «Россия — Запад».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СМИ; средства массовой информации; дискурсивные практики; информационные войны; национальная идентичность; гражданская идентичность; россияне; политический дискурс; медиадискурс; медиаконцепты.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Енина Лидия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; e-mail: enina.lidia@gmail.com.

Ильина Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ilina.usu@gmail.com.

Каблуков Евгений Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: ekablukov@gmail.com.

Чепкина Элина Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой русского языка и стилистики, департамент «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620051, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: chepkina@gmail.com.

Подходы к исследованию идентичности в лингвистических науках и определение понятия «дискурсивная идентичность». В отечественной лингвистике можно выделить две основные традиции понимания идентичности (в данном случае неважно, чьей идентичности — индивида или группы); эти традиции, говоря словами Роджерса Брубейкера, представляют собой «жесткую и мягкую концепции идентичности» [Брубейкер 2012: 84]. Упрощенно представляя эти концепции, можно сказать, что жесткая концепция фиксируется на поиске в языке и речи устойчивых элементов в пределах длинных временных отрезков, на обнаружении целостности, однородности идентичности, проявляющейся в речевой деятельности [Крысин 2001; Прохоров, Стернин 2006; Шмелев 2002]. А мягкая концепция делает акцент на изменчивости, фрагментарности, множественности идентичности [Батлер 2000; Батлер 2011; Брубейкер 2012; Лаппо

2013; Савкина 2001; Сандомирская 2002; Слободяник 2007; Филлипс, Йоргенсен 2008 и др.]. В данном исследовании мы придерживаемся мягкой концепции идентичности, которая обязана своим происхождением социальному конструктивизму и предлагает смотреть на идентичность прежде всего как на социальную переменную, имеющую исключительно символическое — дискурсивное — измерение. Поэтому наше исследование не претендует на анализ массового сознания и построение национальной картины мира, а посвящено поиску текущих закономерностей формирования идентичности, которая конструируется в разных текстах дискурса современных российских СМИ. В этом смысле мы ведем исследование в сфере лингвистики дискурса, как это понимает О. Г. Ревзина: «...лингвистику дискурса не занимает вопрос о связанном, завершенном тексте, о принципах его устройства; ее измерение — это проникновение сквозь раз-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт „информационная война“ как мобилизационный фактор идентификации» № 16-04-00460/17-ОГОН.

© Енина Л. В., Ильина О. В., Каблуков Е. В., Чепкина Э. В., 2017

ные тексты. Нужно выйти к той форме бытования языка, которая дана не на уровне конструктов (порождение, понимание — то, что происходит в сознании субъекта, и то, что непосредственно недоступно наблюдению), а на уровне материальной телесности. Этим уровнем является реально высказанное, произнесенное, закрепленное „на белизне бумаги“» [Ревзина 1999: 27]. Исследователь-лингвист, который придерживается мягкой концепции идентичности, ставит вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о конструировании идентичности в дискурсе.

Мы опираемся на понимание дискурса в русле идей М. Фуко — как относительно устойчивого поля смыслов, упорядочиваемых группами дискурсивных практик. Любой дискурс структурируется собственными правилами формирования объектов и концептов, правилами формирования субъектных позиций дискурса, подчиняющихся процедурам включения и исключения [Фуко 1996; Филлипс, Йоргенсен 2008; Чепкина, Енина 2012; Чернявская, Молодыхенко 2014 и др.].

По словам Л. Филлипс и М. Йоргенсен, «все подходы к дискурс-анализу... построены на идеях М. Фуко об истине. Он понимает ее как нечто, что создается дискурсивно» [Филлипс, Йоргенсен 2008: 35]. В силу специфики организации дискурса СМИ для его анализа нам ближе развивающая идеи М. Фуко концепция дискурса Ш. Муффа и Э. Лакло, которые делают акцент на том, что в каждом историческом периоде сосуществуют различные дискурсы, борющиеся за право определять истину и присваивать ее дискурсивному знаку, в том числе концепту [Laclos, Mouff 1985].

Дискурс СМИ — это такое дискурсивное пространство, в котором одновременно циркулируют разные, в том числе взаимоисключающие, мнения и транслируются, явным или скрытым способом, разные ценностно-нормативные, политические, профессиональные ориентиры. Содержательная неоднородность органична для дискурса СМИ, если в публичном пространстве не подавляются разные политические и идеологические позиции.

Таким образом, свойствами дискурсивной идентичности являются динамичность, множественность, ситуативность. Динамичность указывает на способность идентичности к трансформации в текущей коммуникации, множественность подчеркивает ее семантическую неоднородность, ситуативность связана с закономерностями организации конкретного дискурса. При таком понимании идентичности и ее свойств она есть всегда промежуточный результат социаль-

ных, в том числе дискурсивных процессов. Говоря «промежуточный», мы подчеркиваем невозможность завершения процесса идентификации. Дискурсивная идентичность подобна течению реки, которое нельзя остановить, но можно сфотографировать. Принимая во внимание эту специфику дискурсивной идентичности, необходимо при ее выявлении учитывать временные границы исследуемого дискурса.

Идентификация как категория анализа дискурсивной идентичности. Мы считаем, что для описания структуры дискурсивной идентичности, носящей динамический характер, необходима другая категория анализа: мы должны переместить исследовательский взгляд с понятия идентичности на понятие идентификации как отдельного дискурсивного акта установления тождества или различия с чем-/кем-нибудь. То, что «идентификация лишена „овеществляющих“ коннотаций идентичности» [Брубейкер 2012: 89], позволяет увидеть множественность идентификаций, объединенных общим дискурсивным объектом, но принципиально не сводимых к целостному феномену.

Собственно с лингвистической точки зрения идентификация может быть осуществлена с помощью слова (*преподаватель, журналист, добрый, красивый*), словосочетания (*председатель правительства, заведующий кафедрой, русский патриот*), клишированного выражения (*все бабы дуры*), законченного смыслового фрагмента (например, слова Сергея Доренко о долге журналиста: *если на любую радиостанцию, в любое средство массовой информации, звонит человек и говорит: я с места аварии, то твой долг его выслушать* — можно рассмотреть как профессиональную идентификацию журналиста) или даже объемного текста (например, повествование о своей биографии становится самоидентификацией говорящего). Семантическое наполнение отдельной идентификации определяется только исходя из конкретной коммуникативной ситуации и закономерностей дискурса в целом. Разумеется, семантика идентификаций может быть сходной, взаимодополняющей или взаимоисключающей, но все идентификации, разнородные структурно и семантически, связаны с одним и тем же объектом дискурса [см. также: Енина 2016].

Вводя понятие «идентификация», мы можем предложить следующее определение дискурсивной идентичности. Дискурсивная идентичность — это дискурсивный концепт (мы опираемся на понимание дискурсивного концепта, предложенное Э. В. Чепкиной:

«В связи с анализом определенного дискурса рассматриваются только такие концепты, которые принадлежат этому дискурсу и не могут отождествляться с ментальными структурами реальных коммуникантов, действующих в данном дискурсивном пространстве» [Чепкина 2000: 10]), организованный по сетевому принципу, т. е. это нецентрированный комплекс идентификаций одного объекта дискурса, который связан тематически, может иметь разные смысловые конфигурации на основе отношений подобия, различия, смежности и других и способен трансформироваться за счет добавления/исключения идентификаций и изменения смысловых отношений между ними.

Анализ дискурсивной идентичности может касаться как исследования структуры концепта в рамках определенного дискурса, так и рассмотрения отдельных дискурсивных практик идентификаций. Под дискурсивными практиками понимаются закономерности передачи и развертывания смыслов [Чепкина, Енина 2012; см. также: Майданова, Чепкина 2011; Иссерс 2014].

Национально-гражданская идентичность россиян: определение понятия. Исходя из принципиальной семантической неоднородности дискурса СМИ мы считаем важным обратиться к поиску сети идентификаций россиян, на основе которых дискурсивно формируется воображаемое «мы — россияне». Для того чтобы выявить и описать репертуар идентификаций россиян в СМИ, мы предлагаем термин *национально-гражданская идентичность*. Национально-гражданская идентичность рассматривается как самостоятельный дискурсивный концепт, аналитически отличимый от сходных, но не совпадающих с ним понятий, таких как этнос, нация, территориальная или государственная принадлежность и др. Термин «национально-гражданская» вводится для того, чтобы уйти от единичного определения «национальная», так как понятия *нация* и *этнос* не всегда различаются не только в публицистических, но и в научных текстах. К вводимому близок термин «государственная идентичность», однако мы отказываемся от него, поскольку «государственная идентичность» указывает на территориально-административное ограничение содержания концепта. Таким образом, национально-гражданская идентичность не сводится к этнической, государственной или территориальной принадлежности, но нелинейно соотносится с ними, а слово «гражданская» как основное в словосочетании вмещает в себя многоаспектность идентификаций в связи с неформальными гражданскими институтами.

Кроме того, добавление определения «гражданская» позволяет вместить в термин разнообразные социальные идентификации, основанные на «объективной» категоризации, например *региональная* или *конфессиональная*, и на «субъективной» категоризации, например: *пятая колонна*, *патриоты*. Предлагаемый термин «национально-гражданская идентичность» (этот термин в своих работах использовала Л. М. Дробижева, но в значении «государственная идентичность» [см., напр.: Дробижева 2010]) видится предпочтительным по перечисленным выше причинам.

Таким образом, под **национально-гражданской идентичностью россиян** понимается сеть идентификаций, смысл которых связан с самоотнесением или приписыванием группе лиц принадлежности к сообществу, объединяемому на основе не только гражданства РФ и связи с территорией РФ, но и на основе русского языка, на основе связи с историей России и с видением путей ее развития, на основе культурных ценностей и образа жизни. В конкретном журналистском тексте эти смыслы могут пересекаться или присутствовать по отдельности, могут быть представлены развернуто или фрагментарно.

Мы считаем, что в российских СМИ с 2014 г. практики национально-гражданской идентификации находятся под влиянием медиаконцепта «информационная война». Будучи включенным в информационную повестку СМИ, этот концепт требует от субъектов дискурса определенности (само)идентификации, в первую очередь в отношении своей политико-идеологической позиции. То же относится к большинству персонажей, упоминаемых в медиатекстах.

«Информационная война» как концепт в дискурсе СМИ. Понятие информационной войны, введенное в оборот во второй половине XX в., интерпретируется российскими исследователями не только как противостояние в информационной сфере, осуществляемое главным образом посредством масс-медиа [Манойло 2009; Панарин 2006; Шатило, Шорни 2008], т. е. двустороннее столкновение, что соответствует определению войны, но и как информационное воздействие на массовое сознание, связанное с достижением каких-либо целей [Почепцов 2000], как действия, направленные на достижение информационного превосходства над неким противником [Тихомиров 2012; Чернышов 2012], вне зависимости от того, осуществляет ли он какие-либо агрессивные шаги, т. е. действительно ли является противником.

Вторая группа подходов позволяет вве-

сти феноменологическое переосмысление информационной войны как дискурсивного конструкта, т. е. части «реальности», которая создается главным образом в медиадискурсе и может не иметь корреляций с так называемой действительностью — подлинной реальностью, к описанию которой стремятся историки. Исследователь медиадискурса, как и потребитель массовой информации, имеет дело с концептами дискурса, одним из которых является «информационная война». Таким образом, не оспаривая возможность изучения информационной войны как исторического факта, мы исходим из того, что потребитель информационного продукта (массовая аудитория) сталкивается с данным феноменом и сознает наличие информационной войны лишь тогда, когда массмедиа конструируют соответствующую реальность [Луман 2005].

В нашем понимании «информационная война» — это концепт, функционирующий как часть технологии борьбы за власть, в том числе за установление истины, этот концепт служит в рамках медиадискурса последовательному и систематическому конструированию реальности, в которой какому-либо объекту и/или его образу, функционирующему в медиадискурсе, приписываются резко негативные характеристики, создается образ врага, а для аудитории СМИ конструируется роль жертвы враждебных действий. Присутствие в тексте дискурсивного концепта «информационная война» может быть определено как по базовому имени «информационная война», так и по ряду его лингвистических маркеров: негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, в том числе стилистически сниженная, лексика по отношению к политическим, идеологическим оппонентам.

Национально-гражданская идентичность россиян: политическое направление идентификаций. Мы хотим проследить наличие или отсутствие взаимосвязи концепта «информационная война» с национально-гражданскими идентификациями россиян в дискурсе российских СМИ.

В основе исследования лежат 149 журналистских текстов, отобранных в ходе проведения мониторинга российских СМИ в период с 23 марта по 29 марта 2015 года. Мониторингом были охвачены те СМИ, которые, по данным «Медиалогии» (автоматизированная система мониторинга СМИ), занимали первые два места по рейтингу цитируемости среди российских СМИ: газеты «Коммерсантъ» и «Известия», журналы «Форбс» и «Starhit», телеканалы «Россия 24» и «Дождь», радиостанции «Русская

служба новостей» и «Эхо Москвы», интернет-ресурсы *Lenta.ru* и *Rbk*. Рейтинг цитируемости показывает те российские СМИ, которые пользуются авторитетом среди профессионального журналистского сообщества. Отбор текстов был осуществлен методом сплошной выборки из базовых журналистских жанров — новостных выпусков, информационных заметок и интервью. Авторские журналистские программы типа «Агитация и пропаганда» не рассматривались в связи с большим тяготением не столько к журналистскому, сколько к политическому дискурсу.

Выделенные при анализе эмпирического материала национально-гражданские идентификации были классифицированы по тематическому признаку. Количественно первые три места распределены между политическим (100), экономическим (56), территориальным (41) направлениями идентификации. Далее значимую частотность получили морально-нравственное (32), цивилизационное (24), военное (24) и историческое (20) направления. Остальные направления получили менее 10 упоминаний: правовое (9), профессиональное (9), религиозное (8), спортивное (5) и этническое (4).

Как видно из статистики, подавляющее количество идентификаций россиян связано с политической тематикой. Это показывает, что актуальная повестка дня в анализируемый период связана прежде всего с мировыми и российскими политическими событиями. Кроме того, выступают экспертами, собеседниками в интервью и являются гостями теле- и радиопрограмм в подавляющем большинстве представители государственных структур власти. Иными словами, практики отбора персонажей и экспертов в дискурс российских СМИ имеют относительно узкий диапазон.

Базовое имя концепта «информационная война» присутствует в 7 текстах, лингвистические маркеры концепта обнаружены в 53 текстах.

Внутриполитическое направление национально-гражданской идентичности и его взаимодействие с концептом «информационная война». С. О. Калганова в политическом направлении идентичности россиян в СМИ выделяет две тематические линии — внутриполитическую и внешнеполитическую [Калганова 2016]. Однако семантически обе линии объединяются общими дискурсивными практиками идентификации. В обеих тематических линиях номинации *россияне*, *русские* *российские граждане*, *жители страны* практически не используются, в большинстве случаев в текстах и

заголовках происходит метонимическая замена на *Россия*, *Родина* и/или на местоимение *мы*. Такая замена обеспечивает широкое распространение смысла *Россия*, *россияне* — *сплоченное единство* на всю политическую тематику дискурса российских СМИ.

Различие между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими оппонентами наблюдается в том, с какими тематическими направлениями идентификации они вступают в отношения смежности.

В идентификациях с внутривнутриполитической тематикой обозначаются разные политические течения, отмеченные как актуальные для современной России: *либерализм*, *неонацизм*, *национализм*, *фашизм*, *либерал-фашизм*. Построить такой перечислительный ряд политических течений нам позволяет их общая функция в текстах — пейоративная оценка чуждой для субъекта речи политической позиции. Собственно политическое содержание называемых политических течений в публичной речи размывается до неразличения [см. также: Каблуков 2016: 210].

Смысл преобладающей политической однородности граждан России часто присутствует в информационных текстах о результатах социологических опросов. Политическая однородность связана не с политическим течением или партией, а с фигурой Президента РФ: *В этом смысле данное исследование подтверждает высокий уровень доверия президенту, который, безусловно, распространяется на всю его команду. Одним из достижений Владимира Путина за 15 лет стала стабильная и предсказуемая политика, в том числе взвешенные и выверенные кадровые решения. Граждане понимают и ценят это. Если мы доверяем президенту, то доверяем и человеку, который с ним работает* (Известия. Больше половины граждан поддерживают команду президента. 23.03.2015).

Также политическая идентификация россиян характеризуется сплоченным единством перед внешними и внутренними враждебными силами, которые в разной степени конкретизируются: *Запад, либеральные оппозиционеры, пятая колонна* и под. Установление сплоченной политической идентичности россиян происходит с помощью отрицательно-оценочных идентификаторов, например, политических оппонентов за рубежом: *...Америка спровоцировала и теперь раздувает конфликт на Украине, развязывая новую холодную войну* (Россия 24. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. 29.03.2015).

Конкретизация враждебных сил может достигать персонификации. Так, при обсуж-

дении снятия неприкосновенности с депутата Государственной думы Ильи Пономарева журналист называет прежде всего юридические основания предстоящего события в связи с возбуждением против И. Пономарева уголовного дела. Далее журналист приводит мнения представителей фракции «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ссылаясь на общее мнение фракции ЛДПР и дает слово самому Илье Пономареву. Однако все депутаты похожим образом говорят о том, что И. Пономарев противопоставил себя *Родине*, что его *оппозиционная деятельность против власти перешла в оппозиционную деятельность по отношению к собственной стране*. И таким образом нарушения в расходовании денежных средств при оплате лекционной деятельности Пономарева игнорируются, а снятие депутатских полномочий целиком переводится в политическую плоскость — враждебность по отношению к стране в целом.

Так, депутат Госдумы от партии «Единая Россия» Франц Клинецвич говорит: *Меня лично как человека ну просто не устраивает все, что делает Пономарев, с точки зрения его позиционирования к Родине, которая его воспитала, дала образование, сделала депутатом Государственной думы. Ты критикуй отдельно взятых начальников и так далее, но не занимайся подрывной работой в отношении своей страны. Очень многие абсолютно четко не разделяют то, что делает Пономарев. Так сложились обстоятельства, которые Илюша сам выстроил сегодня вот вокруг себя*.

Обратим внимание, что в приведенном фрагменте Ф. Клинецвич идентифицирует себя в качестве не политика, а частного лица: *меня лично как человека не устраивает все, что делает Пономарев*. При этом в его словах *родина* выступает наивысшей силой, в которой сосредоточена воля российских граждан: *Родина, которая его... сделала депутатом Государственной думы* (Эхо Москвы. Снятие депутатской неприкосновенности с депутата Пономарева. 26.03.2015). Сам *Илья Пономарев* выступает как агент противостоящей России стороне и выполняет *подрывную работу в отношении своей страны*.

Формально внутривнутриполитическое разнообразие партий в дискурсе СМИ присутствует, и журналисты, как правило, включают противоположную точку зрения в свои тексты. Однако формальное разнообразие не влечет за собой содержательных политических различий. Если рассматривать всю совокупность политических идентификаций по данным мониторинга, то истинность смысла

«политического единства России» обосновывается с помощью многочисленных повторов этого смысла персонажами дискурса СМИ [см. о способах обоснования истинности концепта в дискурсе СМИ: Чепкина 2000: 177—178]. Концепт «информационная война» воплощен в лице зарубежных противников и их агентов, которые распространяют негативную информацию о России. Эта информация тиражируется в текстах российских СМИ.

Внешнеполитическое направление национально-гражданской идентификации и его взаимодействие с концептом «информационная война». Поскольку внешнеполитическая идентификация представляет Россию прежде всего как государство, как международного субъекта, эти идентификации вступают в отношения смежности с идентификациями территориальной тематики. Территориальное направление также поддерживается устойчивой оппозицией *Россия — Запад*, которая оказывается тесно связанной с концептом «информационная война».

Следует отдельно подчеркнуть, что часто воспроизводятся негативные идентификации, способные задеть достоинство граждан России, типа *Москва должна уступить [США. — авт.] „за спасибо“*. Такого рода высказывания приписываются западным политическим оппонентам. Так, на канале «Россия 24» цитируются слова Стивена Козна (в тексте он представлен как *профессор Нью-Йоркского университета, историк*): *Каждый политический лидер в Америке со времени прихода Путина к власти говорил: мы не должны позволить России какую-либо сферу интересов. Это, кстати, и любимое выражение вице-президента Байдена: „Россия не может иметь сфер влияния“. И все это в тот момент, когда США двигают военный Альянс НАТО к границам России. Это самое быстрое наращивание сферы влияния в истории в мирное время. Примерно 400 тысяч квадратных миль. Не имеет прецедентов в истории демонизация российского лидера Путина. Мы, к примеру, никогда так не очерняли коммунистических лидеров. Сейчас это болезнь Америки, а не Путина (Россия 24. В Конгрессе США предложили забыть о ненависти к России. 29.03.2015)*. Несмотря на то, что концепт «информационная война» в этом фрагменте не присутствует, медиапротивник, негативно относящийся к России, вполне материализован: *политический лидер в Америке; вице-президент Байден, США, военный Альянс НАТО*.

В целом для субъектной позиции журна-

листа в информационных жанрах важна ориентация на «объективность», поэтому прямые сигналы личного отношения к передаваемой информации отсутствуют. В связи с этим концепт «информационная война» употребляется в речи журналистов, как правило, со ссылкой на чужое мнение. Например: *Еще раньше, в декабре 2014 года, Стець (Юрий Стець — министр информационной политики Украины) объявлял, что в его ведомстве появится департамент, занимающийся вопросами информационной войны* (Lenta.ru. 24.03.2015. Аксенов заявил о невозможности украинского вещания в Крыму).

Речь персонажей и экспертов в текстах СМИ активно структурируется оценочными практиками [Автохутдинова 2015]. Оценка *России* присутствует в их прямой или косвенной речи. В высказываниях российских политических деятелей и в цитируемых высказываниях зарубежных политиков или в приписываемых им суждениях *Россия* комбинирована с концептом «информационная война» и его лингвистическими маркерами. При этом в большинстве высказываний российских персонажей *Россия* идентифицируется либо как жертва информационной войны, либо как сторона, противостоящая этой войне, но не как ее активный участник.

Внешнеполитические идентификации *России* в текстах на политическую тематику распределяются на дискурсивные практики по установлению различия или сходства. Активны практики указания на идентичность через установление различия в его крайнем выражении — резком противопоставлении, открытой вражде. Складывается антагонистический тип отношений между дискурсивными объектами *Россия* и *Запад*. Последний объект иногда конкретизируется до *Украины, Польши, США, Дании, Канады* или обобщается до *стран ЕС, стран НАТО, западной цивилизации*. Открытая враждебность приписывается противоположной стороне.

Смыслы враждебности пересекаются на условиях взаимодополнения со смыслами, реализуемыми в военном направлении национально-гражданской идентификации россиян. Постулирование военного противостояния также подчеркивает прежде всего территориальные границы государств.

Менее активны практики через установление отношений сходства, союзничества. Сходство по политической позиции наблюдается между объектами *Россия* и *Болгария, Сирия, Молдавия, страны Арктического совета, Межпарламентский союз*. Здесь наблюдается пересечение политического с экономическим направлением национально-

гражданской идентификации. Однако обращение в текстах к практикам идентификации через отношения союзничества, как правило, сопровождается упоминанием враждебной стороны. Так, текст начинается позитивной оценкой действий российских политиков: *Лишенные права голоса в парламентской ассамблее Совета Европы российские парламентарии переориентировали свою внешнеполитическую деятельность на более представительную организацию.* Далее приводятся слова Сергея Гаврилова, члена делегации, главы комитета по собственности Госдумы: *К России в этой организации (Межпарламентский союз. — авт.) традиционно позитивное отношение. Страны Азии, Африки, особенно Латинской Америки никогда за всю историю не выступали с агрессивными заявлениями в адрес России. Работу с ПАСЕ мы считаем бесперспективной. Это сборище не всегда адекватных и радикально настроенных депутатов, которые не могут реализовать себя в реальной политике. Выслушивать их русофобские заказные выступления не имеет смысла* (Известия. 25.03.2015. Федеральное собрание меняет ПАСЕ на Межпарламентский союз). Как известно, выбор стилистически сниженной лексики, характеризующей европейских парламентариев, обладает большим воздействующим потенциалом, чем позитивно-оценочная лексика, адресованная более представительной организации. Этот пример показывает устойчивое распределение стилистического выбора между дискурсивными практиками по установлению различия и сходства в политической идентификации.

Политическая идентификация россиян в нежурналистской речи дискурса СМИ. В информационных заметках и интервью журналисты часто соблюдают баланс положительного и отрицательного и обычно дистанцируются от концепта «информационная война», однако гости теле- и радиопрограмм и эксперты такой баланс соблюдают далеко не всегда. Особенно в условиях прямого эфира на радио они нередко используют неаргументированные заявления и резкие оценки.

Рассмотрим программу «Позиция» на радиостанции «РСН» — интервью под названием «Информационную войну против России на Западе называют конструктивной критикой» (РСН. Позиция. 24.03.2015). Ведущая программы Мария Андреева беседует с Вадимом Деньгиным, депутатом Государственной думы. Тему информационной войны начинает журналист, введение этой темы подчеркивает актуальностью: *Вадим Евге-*

*ньевич, тут часто обсуждают такое понятие, как **информационная война**, сравнивают, кто выигрывает, кто проигрывает. С Вашей точки зрения как обстоит дело? Кто выигрывает в информационной войне, связанной с конфликтом на Украине: Россия, Евросоюз?*

Приглашенный в качестве эксперта Вадим Деньгин, отвечая на поставленный вопрос, многократно употребляет концепт «информационная война» и активно высказывается от имени «мы». Т. ван Дейк, анализируя речь в английском парламенте, пишет: «Использование типичного в политической сфере местоимения „наш“ указывает на то, с какими группами ассоциирует себя говорящий. Впрочем, нужно учесть, что подобная групповая самоидентификация не носит объективный характер, а служит частью моделей и социальных репрезентаций говорящих, которые уже имеют групповую принадлежность. В условиях конкретной специфической речи такие самоидентификации имеют стратегическую направленность („мы, демократы“) и исключают других („мы в Англии“ — по отношению, в первую очередь, к белому населению). Дискурсивная поляризация „мы/они“, типичная для политического дискурса, отражает не только ментальные репрезентации тех, о ком говорят (англичане/мусульмане), но и категории участников (как они представлены в контекстных моделях), к которым обращаются в коммуникативной ситуации („мы как консерваторы“ / „они как лейбористская оппозиция“»)» [ван Дейк 2015: 217]. Иными словами, кроме формальных лингвистических показателей типа местоимения *мы* и его падежных форм, необходимо учитывать общий контекст и окружающие смыслы, чтобы найти, какую именно коллективную идентификацию демонстрирует говорящий, употребляя местоимение «мы». Анализ употребления местоимения «мы» в публичной речи персонажей-экспертов подтверждает тезис ван Дейка. Большей частью групповая самоидентификация представителя государственной власти с помощью местоимения «мы» демонстрирует, что свою политическую идентичность он расширяет до объединения себя со всей страной: *В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведет только мы. А на Западе считают, что это нормальная, конструктивная критика в отношении Российской Федерации. Конструктивной критики я не вижу, а информационную войну развязали как раз пятая колонна, Запад. Хотя, словосочетание „пятая колонна“ стало уже ругательным,*

американцы, европейцы достаточно активно торпедируют. Мы же прекрасно помним недавнее формирование нового министерства информации на Украине, где стали активно поощрять появление так называемых универсальных интернет-солдат, блогеров, которые стали торпедировать Российскую Федерацию. Некоторое время назад ходили слухи о том, что США выделили порядка 25 миллионов долларов на армию блогеров для торпедирования именно Российской Федерации, для разжигания слухов, вражды, для подвержения сомнению курса нашего правительства, президента, депутатов. Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. Всё происходящее — это попытки навязать нам ее такими способами, как создание на Украине вышеупомянутого министерства, появление этих блогеров и так далее. Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите (РСН. Позиция. Депутат Деньгин: «Информационную войну против РФ на Западе называют критикой». 24.03.2015).

Этот фрагмент ярко демонстрирует практику приписывания враждебных действий стороне, которую говорящий оценивает как враждебную не столько внешнеполитическому курсу российской власти, сколько всем гражданам страны. Депутат не использует конкретные номинации для собственной политической идентификации, но при этом многократно употребляет местоимение «мы». Семантическая размытость, неопределенность употребления этого местоимения — это не случайность, а выбор говорящего. Нам здесь важна не столько авторская интенция, сколько именно воспроизведение коммуникативного опыта публичного говорения, когда демонстрируются практики национально-гражданской идентификации через процедуру различения, противопоставления. Чужая сторона более конкретизирована, чем своя: *наша национально-гражданская идентификация становится возможной, становится более определенной благодаря враждебному окружению. Описание действий «информационного противника» выполняется с использованием лексики из тематической группы «война»: торпедируют; универсальные интернет-солдаты; армия блогеров для торпедирования именно Российской Федерации; вражда.*

Национально-гражданская идентификация россиян осуществляется, в соответствии с темой беседы, по признаку их отношения к

информационной войне. Присутствуют два варианта идентификации россиян, один из которых автор оценивает как ложный, навязываемый россиянам извне: *В большинстве случаев на Западе не видят никакой информационной войны. По их предположению, ее ведем только мы.* Вторая, истинная, по мнению говорящего, идентификация жителей России имеет противоположный смысл: *Я считаю, что в этой информационной войне, к счастью, нет никаких победителей, потому что России нет смысла в ней участвовать. Мы всегда стараемся от этого отодвигаться. <...> Нам вообще наплевать на эту войну, что хотите, то и говорите.*

Постулирование острой актуальности национально-гражданской идентификации россиян в соотнесении с концептами «война» и «информационная война» присутствует в интервью на радио РСН с Виктором Баранцом, военным обозревателем газеты «Комсомольская правда», полковником в отставке, как представил его ведущий программы «Умные парни». В. Баранец постоянно увязывает, употребляет рядом концепты «война» и «патриотизм», последний рассматривается как важнейшее качество, которое должно быть воспитано у россиян. Так, он с гордостью рассказывает, что Министерство обороны планирует построить парк: *Это будет уникальный парк, и я посмею сказать, что он будет единственным в мире в своем роде, поскольку люди там не только увидят военную технику. Там они смогут пострелять, пожить в блиндаже, купить себе военную форму, покататься на броневике, послушать концерт, поесть гречневой каши с тушенкой, это будет такой гигантский военно-патриотический университет* (РСН. Умные парни. Баранец: «Армия не просит повышения зарплат, у военных есть совесть». 27.03.2015).

Возможность приобщиться к военным артефактам и элементам военного быта говорящий оценивает как важный образовательный проект: *Здесь военный патриотизм стоит на первом месте; это будет такой гигантский военно-патриотический университет.* Такое постулирование неразрывного соединения патриотизма и военно ориентированного мышления, военного образования для всех, пусть в игровой, развлекательной форме, демонстрирует дискурсивную практику конструирования такой идентичности россиян, которая в мирное время наполнена мобилизационными ожиданиями войны, противостояния врагам и патриотизмом как готовностью к участию в каких-то формах войны.

Тот же смысл воспитания военного патриотизма подчеркивается как главная задача военного парада на Красной площади в честь Дня Победы: *Всего парад будут обеспечивать более 80 тысяч военнослужащих. Представьте себе, какое гигантское количество народа на этом важнейшем крупнейшем политическом мероприятии этого года будет присутствовать. <...> Мы россияне, у нас есть свои традиции, в нашем историческом арсенале великие победы. Может быть, нам забыть победу в войне 1812 года? <...> У нас есть Великая Победа, у нас есть Священная Победа, у нас есть традиция проведения парада на Красной площади. Это не просто торжественное мероприятие (я не люблю это слово), это великий гражданский и военно-патриотический университет.* Показательна практика объединения в последней фразе *гражданского и военно-патриотического.*

Здесь дискурс о современной России и ее гражданах формируется таким образом, что патриотизм тотально определяется через связь с армией, гордость военными победами и боеготовность страны в настоящем. Слово *университет* неоднократно метафорически употребляется по отношению к военно-патриотическому воспитанию потому, на наш взгляд, что таким образом задается ценностная иерархия: военный патриотизм выше и важнее светского университетского образования.

Возможную интерпретацию перечисленных славословий военному патриотизму как свидетельства милитаристских планов России, несущих угрозу другим государствам, говорящий опровергает, апеллируя к концепту «информационная война», которая трактуется как политическая игра со скрытыми целями: *эти панические крики, что русский Иван со своими ракетными клыками собирается отхапать какую-то карликовую Эстонию, это информационно-политическая провокаторская игра, что придет русский Иван захватить Эстонию. <...> Это паранойя. Прибалтийская паранойя. <...> Есть скандинавская паранойя. <...> Эти лицемерные спекуляции имеют разные причины. С одной стороны, эти паникеры таким образом выколачивают из своих правительств военный бюджет. Это такая игра. <...> И чем сильнее нагнетается российская угроза, тем сильнее этот колпак того, что придет русский Иван. Тем сильнее это довлеет над правительствами, которые лезут в карман собственному народу. Такая спекулятивная игра.*

В итоге с помощью нескольких логических ходов дискурсивно конструируется ме-

дийная картина военно-политической ситуации для России и других государств. Во-первых, военно-патриотическое воспитание и образование всех российских граждан (*университеты*) необходимо для осознания величия страны и памяти о ее великих военных победах. Во-вторых, беспокойство сопредельных стран насчет возрастания военной угрозы со стороны России, резко актуализировавшей военную тематику во внутренней пропаганде, это либо *паранойя*, либо *лицемерная игра* — и то, и другое не соответствует истине, с точки зрения персонажа. В-третьих, военная угроза существует, но исходит не от России, а напротив, от ее соседей: *Но сами натовцы признали, что за последний год у них в 10 раз увеличилось количество военных учений. Представьте себе эту гигантскую военную машину, которая разогревается у наших границ, и пыль из-под траков которых оседает на золотых куполах наших псковских соборов. <...> Всё, что делается в сопредельных районах Европы, попахивает военной угрозой. <...> И мы должны сидеть с вами, курить сигареты и пить кофе? <...> У нас армия находится в постоянно разогретом состоянии.*

Мы видим, что в основе представленной логики лежит именно концепт «информационная война». Утверждается, что патриотизм россиян невозможен без военной составляющей. (Само)идентификация каждого россиянина как патриота требует его согласия с этой позицией. Иностранные соседи, не принимающие такую идентичность граждан России, либо охвачены паранойей, либо лицемерно лгут, либо сами представляют военную угрозу для нашей страны. В любом случае возражения против истины *военного патриотизма* — это свидетельства информационной войны против россиян-патриотов.

Создание образа врага, конечно, способствует консолидации круга своих. Но если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения практик национально-гражданской идентификации, то круг своих становится пустым, свободным знаком с «незаявленной» собственной ценностью, знаком, с которым может себя отождествить любой представитель массовой аудитории.

Выводы. В рейтинговых СМИ национально-гражданская идентичность россиян предстает как сетевой концепт, в котором ведущую роль играют политические идентификации россиян с общим смыслом сплоченного единства. Истинность такого смыслового наполнения обеспечивается многократными повторами в разных текстах СМИ. В идентификациях-высказываниях номина-

ции *россияне, русские, российские граждане, жители страны* практически не употребляются, в большинстве случаев используется метонимическая замена на *Россия, Родина* и/или на местоимение *мы*, что также «работает» на конструирование смысла единства граждан. Однородная политическая идентификация *России* устанавливается через отрицательно-оценочную идентификацию враждебной стороны с разной степенью конкретизации. Также активно воспроизводятся цитаты или обобщенные мнения с отрицательными идентификациями по отношению к России, что может быть интерпретировано как свидетельство ведения информационной войны западными противниками. При этом прежде всего конструируется однородность круга *своих* с лишением этого круга набора конкретных позитивных ценностных смыслов. В зависимости от того, какую субъектную позицию занимает говорящий, журналиста или эксперта, персонажа, определяется сужение или расширение стилистического выбора и свободы выражения ценностной позиции.

Конструирование в дискурсе СМИ реальности, основанной на констатации чрезвычайного положения, в котором оказалась Россия, по крайней мере, в 10-е гг. XXI в., интенсифицирует практики выбора политической национально-гражданской идентичности россиян, что связано с фактором наличия в медиадискурсе концепта «информационная война». Обнаруживается смежность политического и территориального направления в национально-гражданской идентификации россиян.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2015. 29 с.
2. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории : сб. пер. / сост. и коммент. Е. И. Гапоновой и А. Р. Усмановой. — Минск, 2000. С. 297—346.
3. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2011. № 2 (76). С. 11—29.
4. Брубейкер Р. Этничность без групп. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
5. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Изд. 2-е. — М. : УРСС : ЛИБРОКОМ, 2015. 352 с.
6. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся / Ин-т социологии РАН. 2008. № 7. С. 214—227. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf> (дата обращения: 4.11.2016).
7. Дробижева Л. М. Идентичность и этнические установки русских в своей и иноэтнической среде // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 49—58.
8. Енина Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы идентификации // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 159—167.
9. Иссерс О. С. Дискурсивная практика: к определению понятия // Современная речевая коммуникация: новые дискурсивные практики : моногр. / отв. ред. О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. С. 37—61.
10. Каблук Е. В. Идеологема «либерализм» в современном российском проправительственном медиадискурсе // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 14—15 апр. 2016 года. — Екатеринбург, 2016. С. 209—212.
11. Калганова С. О. «Россия» как дискурсивный объект СМИ: тематические направления идентификации // Информационное поле современной России: практики и эффекты : сб. ст. XIII Междунар. науч.-практ. конф. (20—22 окт. 2016 г.) / под ред. Р. П. Баканова. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 193—202.
12. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90—106.
13. Лаппо М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2013. 180 с.
14. Луман Н. Реальность масс-медиа. — М. : Праксис, 2005. 253 с.
15. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Медиаатекст в идеологическом контексте. — Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. 304 с.
16. Манойло А. В. Информационно-психологическая война в вооруженном конфликте в Южной Осетии // Власть. 2009. № 9. С. 81—85.
17. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. — М. : Поколение, 2006. 553 с.
18. Почепцов Г. Г. Информационные войны. — М. : Рефлбук : Ваклер, 2000. 573 с.
19. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. — М. : Флинта : Наука, 2006. 238 с.
20. Ревзина О. Г. Язык и дискурс // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.
21. Савкина И. «Пишу себя...». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. — Tampere : Univ. of Tampere. 2001. 360 с.
22. Сандомирская И. Книга о родине. Опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, 2002. Sond. 50. 281 с.
23. Слободяник Н. Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 60—67.
24. Тихомиров С. А. К вопросу о некоторых технологиях ведения «информационных войн» // Армия и общество. 2012. № 3 (31). С. 47—51.
25. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. — Харьков : Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
26. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. — М. : Касталь, 1996. С. 47—97.
27. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 279 с.
28. Чепкина Э. В., Енина Л. В. Дискурсивные практики журналистики: метод анализа // Стилистика завтрашнего дня : сб. ст. к 80-летию профессора Григория Яковлевича Солганика. — М. : МедиаМир, 2012. С. 291—308.
29. Чернышов Ю. Г. Информационные войны — мифы и реальность // Современная Россия и мир: альтернативы развития : сб. науч. ст. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 4—6.
30. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». — М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
31. Шатило Я. С., Шорин И. Ю. Психологические аспекты информационной войны // Информационная безопасность регионов. 2008. № 1. С. 18—23.
32. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. — М. : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
33. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. — London : Verso, 1985. 197 p.

L. V. Enina, O. V. Il'ina, E. V. Kablukov, E. V. Chepkina
Ekaterinburg, Russia

PRACTICES OF POLITICAL IDENTIFICATION OF RUSSIANS UNDER THE INFLUENCE OF "INFORMATION WARFARE" MEDIA CONCEPT

ABSTRACT. The article is a linguistic study of the national-civil identification of the Russians. The theoretical basis of the research is a "soft" concept of identity, which emphasizes variability, fragmentation and plurality of identity, which has only symbolic (discursive) dimension. It is proposed to consider the national-civil identity of the Russians in the media texts as an independent discursive concept, analytically distinguishable from similar but not identical "ethnos" and "nation" concepts. The practices of national-civil identification are analyzed in connection with the concept of "information warfare" on the material of the most cited Russian media (according to Medialogy). Its presence causes the systematic construction of the media discourse reality, in which the image of the enemy is created, and for the media audience the role of the victim of hostile actions is constructed. The study showed that the national-civic identity of the Russians today is constructed mainly in the political and ideological directions. The wide dissemination of the meaning "Russia, Russians — a cohesive unity" on the whole political theme of Russian media discourse is revealed. Political trends noted as relevant to modern Russia (liberalism, fascism) are mentioned infrequently, and their political content is blurred, they are simply labeled as unacceptable. The political homogeneity of the Russians is associated with the figure of the President of the Russian Federation and is characterized by a cohesive unity in front of the hostile forces (West, liberal oppositionists). Foreign-policy identification represents Russia primarily as a state and is supported by "Russia-West" persistent opposition.

KEYWORDS: mass media; media; discursive practices; information warfare; national identity; civil identity; the Russians; political discourse; media discourse; media concepts.

ABOUT THE AUTHORS: Enina Lidia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Il'ina Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Kablukov Evgeniy Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

Chepkina Elina Vladimirovna, Doctor of Philology, Head of Department of Russian and Stylistics, Faculty of Journalism, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Avtokhudinova O. F. «Drugoy» kak personazh v SMI: diskursivnye praktiki konstruirovaniya : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — Ekaterinburg, 2015. 29 s.
2. Batler Dzh. Gendernoe bespokoystvo // Antologiya gender-noy teorii : sb. per. / sost. i komment. E. I. Gaponovoy i A. R. Usmanovoy. — Minsk, 2000. S. 297—346.
3. Batler Dzh. Gendernoe regulirovanie // Neprikosnovennyy zapas: debaty o politike i kul'ture. 2011. № 2 (76). S. 11—29.
4. Brubeyker R. Etnichnost' bez grupp. — M. : Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012. 408 s.
5. Deyk T. van. Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Izd. 2-e. — M. : URSS : LIBRO-KOM, 2015. 352 s.
6. Drobizheva L. M. Natsional'no-grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoy sovmestimosti // Rossiya reformiruyushchayasya / In-t sotsiologii RAN. 2008. № 7. S. 214—227. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/Nacional-no-grajd.pdf> (data obrashcheniya: 4.11.2016).
7. Drobizheva L. M. Identichnost' i etnicheskie ustanovki russkikh v svoey i inoetnicheskoy srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 12. S. 49—58.
8. Enina L. V. Identichnost' kak diskursivnyy kontsept i mekhanizmy identifikatsii // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 6 (60). S. 159—167.
9. Issers O. S. Diskursivnaya praktika: k opredeleniyu ponyatiya // Sovremennaya rechevaya kommunikatsiya: novye diskursivnye praktiki : monogr. / otv. red. O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 2011. S. 37—61.
10. Kablukov E. V. Ideologema «liberalizm» v sovremennom rossiyskom propravitel'stvennom mediadiskurse // Zhurnalistika tsifrovoy epokhi: kak menyaetsya professiya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Ekaterinburg, 14—15 apr. 2016 goda. — Ekaterinburg, 2016. S. 209—212.
11. Kalganova S. O. «Rossiya» kak diskursivnyy ob"ekt SMI: tematicheskie napravleniya identifikatsii // Informatsionnoe pole sovremennoy Rossii: praktiki i efekty : sb. st. XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (20—22 okt. 2016 g.) / pod red. R. P. Bakanova. — Kazan' : Izd-vo Kazan. un-ta, 2016. S. 193—202.
12. Krysin L. P. Sovremennyy russkiy intelligent: popytka rechevogo portreta // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2001. № 1. S. 90—106.
13. Lappo M. A. Samoidentifikatsiya: semantika, pragmatika, yazykovye resursy. — Novosibirsk : Izd-vo NGPU, 2013. 180 s.
14. Luman N. Real'nost' mass-media. — M. : Praxis, 2005. 253 s.
15. Maydanova L. M., Chepkina E. V. Mediatekst v ideologicheskoy kontekste. — Ekaterinburg : Gumanitarnyy un-t, 2011. 304 s.
16. Manoylo A. V. Informatsionno-psikhologicheskaya voyna v vooruzhennom konflikte v Yuzhnoy Osetii // Vlast'. 2009. № 9. S. 81—85.
17. Panarin I. N. Informatsionnaya voyna i geopolitika. — M. : Pokolenie, 2006. 553 s.
18. Pocheptsov G. G. Informatsionnye voyny. — M. : Refl-buk : Vakler, 2000. 573 s.
19. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. — M. : Flinta : Nauka, 2006. 238 s.
20. Revzina O. G. Yazyk i diskurs // Vestn. Moskov. un-ta. Ser. 9. Filologiya. 1999. № 1. S. 25—33.
21. Savkina I. «Pishu sebya...». Avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka. — Tampere : Univ. of Tampere. 2001. 360 s.
22. Sandomirskaya I. Kniga o rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik // Wiener Slawistischer Almanach. — Wien, 2002. Sond. 50. 281 s.
23. Slobodyanik N. B. Konstruirovaniye identichnosti v politicheskoy diskurse: k voprosu o roli sotsial'nogo antagonizma (o kontseptsii politicheskogo diskursa Laklaur i Muff) // Politicheskaya lingvistika. 2007. № 2 (22). S. 60—67.
24. Tikhomirov S. A. K voprosu o nekotorykh tekhnologiyakh vedeniya «informatsionnykh voyn» // Armiya i obshchestvo. 2012. № 3 (31). S. 47—51.
25. Fillips L. Dzh., Yorgensen M. V. Diskurs-analiz: teoriya i metod. — Khar'kov : Gumanitarnyy tsentr, 2008. 352 s.
26. Fuko M. Poryadok diskursa // Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let. — M. : Kastal', 1996. S. 47—97.
27. Chepkina E. V. Russkiy zhurnalistskiy diskurs: tekstoporozhdayushchie praktiki i kody (1995—2000). — Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 279 s.
28. Chepkina E. V., Enina L. V. Diskursivnye praktiki zhurnalistiki: metod analiza // Stilistika zavtrashnego dnya : sb. st. k 80-letiyu professora Grigoriya Yakovlevicha Solganika. — M. : MediaMir, 2012. S. 291—308.

29. Chernyshov Yu. G. Informatsionnye voyny — mify i real'-nost' // *Sovremennaya Rossiya i mir: al'ternativy razvitiya* : sb. nauch. st. — Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 4—6.

30. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz «svoikh» i «chuzhikh»*. — M. : LENAND, 2014. 200 s.

31. Shatilo Ya. S., Shorin I. Yu. *Psikhologicheskie aspekty informatsionnoy voyny* // *Informatsionnaya bezopasnost' regionov*. 2008. № 1. S. 18—23.

32. Shmelev A. D. *Russkiy yazyk i vneyazykovaya deystvitel'nost'*. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 496 s.

33. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. — London : Verso, 1985. 197 p.